

Описание моделей диалогических единств библейского текста позволяет представить классификацию вопросительных речевых актов, реализующихся при помощи прямых открытых (с вопросительным словом) вопросительных конструкций, в составе вопросно-ответной секвенции с учетом ответной реакции на вопрос: отказ выполнять просьбу, выражение эмоционального состояния говорящего (удивление), запрос информации, запрос совета, сомнение, упрек.

Таким образом, вопросно-ответные секвенции, входящие в состав т. н. бытовых сюжетов, имеют целью побудить слушающего сообщить говорящему нечто, требующее выяснения, т. е. побудить его к обмену мнениями по той или иной проблеме. Вопросно-ответные секвенции, включенные в составе речевых секвенций притч, в речевую секвенцию проповедь, направлены на достижение прагматической установки поучения с целью заставить уверовать в бога.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schlieben-Lange, B.* Für eine historische Analyse von Sprechakten / B. Schlieben-Lange // Sprachtheorie und Pragmatik / hrsg. von H. Weber, H. Wezdt. (Akten des 10. Linguistischen Kolloquiums). Tübingen, 1976. – Bd. 1. – S. 113–119.
2. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М., 1979. – 424 с.
3. *Vax, M.* Historische Pragmatik: Eine Herausforderung für die Zukunft? // Diachrone Semantik und Pragmatik / hrsg. von D. Busse. Tübingen, 1991. – S. 197–215.
4. *Чемоданов, Н. С.* Хрестоматия по истории немецкого языка / Н. С. Чемоданов. – М., 1978. – 287 с.

Л. М. Ньюбина (г. Смоленск, Россия)

О КАТЕГОРИЯХ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В 70-е годы в Германии получил большое распространение жанр автобиографии, относящийся к мемуарной литературе с ее подвидами (письма, дневники, автобиография, исторические, военные мемуары и т.п.), онтологической основой которых является память. Если говорить «о жанровой сущности, жанровом содержании, устойчивых принципах построения, тематики произведения, восприятия и рефлексии автором внешнего мира» [1; 2], то жанр автобиографии свидетельствует о наличии некоторых устойчивых характеристик. Исследования показывают, что к устойчивым доминантам в этом жанре относятся: амбивалентность, эгоцентризм, гетерогенность, фрагментарность и др. [3].

Амбивалентность автобиографических текстов (АТ) состоит в том, что они документальны, с одной стороны, и образны – с другой. Документальность основана на фактологическом описании конкретной жизни определенного человека. Лингвистическая структура текста зависит от автора произведения, особенностей его стиля. Другой структурной чертой АТ становится эгоцентризм, проявляющийся в «автобиографическом пакте» между автором, повествователем и протагонистом/героем, представленными местоимением «Я». *Эгоцентризм* этого вида текста определяется языковой формой (рассказ в прозе); темой повествования (индивидуальная история конкретной личности); позицией автора (идентичность между автором, повествователем и героем; ретроспективой как основой повествования [4].

Основой АТ является п а м я т ь как сложная «интерактивная» система, имеющая внутреннюю и внешнюю организацию. В систему памяти входят различные ее виды: сенсорная, рабочая, долговременная, кратковременная, эпизодическая, эмоциональная, автобиографическая, семантическая интериоризованная и экстериоризованная и др. (Бадли М., Айзенк М., Андерсон М.). Интериоризованная память считается внутренней, ее ключевыми задачами является репрезентация знаний «внутри» человека, что составляло суть человеческого мышления и всех ментальных процессов, существовавших в голове человека [5, с. 356]. Экстериоризованная память относится к внешней, социальной памяти. Если первый вид памяти связан со способностью собирать и хранить знания о мире, то внешний вид памяти лежит в основе коммуникации человека с внешним миром. Интериоризованная память идентична в понимании В. В. Нурковой «автобиографической» как «особой лично обусловленной реальности», «хроники жизни», которая классифицируется как «память-рассказ» [6, с. 23, 39].

В этом исследовании мы затронем категорию *хронотопа* «как существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе» [2, с. 121]. Решая формальные задачи языкового воплощения концептов времени и пространства, автор не может избежать эстетического наполнения хронотопа определенными элементами собственной поэтики, с одной стороны, и дат, топонимов, конкретных имен – с другой. Они являются для читателя определенными маркерами автобиографического пространства и времени.

По утверждению В. В. Гака, *пространство* – это одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком [7, с. 126]. Пространство является антропоцентрическим феноменом, так как мир не имеет измерений без присутствия человека [8, с. 49]. В языковой картине мира пространство неоднородно: в нем выделяются фрагменты свои и чужие, ближние и дальние, известные и неизвестные, освоенные и неосвоенные, доступные и недоступные, «разрешенные» и «запрещенные», важные и безразличные [9, с. 48]. Современное понятие пространства, включающее объекты, людей в нем, пути перемещения, конец/начало и др. постепенно становилось все более емким и «развивало новые и новые значения» [10, с. 90].

Анализируя эгоцентрический концепт пространства, И. Ю. Безукладова выделяет в нем Эго-пространство, приватное и социальное пространства. *Эго-пространство* принадлежит лично «Я», оно является закрытым пространством. *Приватное* и *социальное пространства* включают в себя родственные, дружеские и социальные отношения «Я» с миром. Приведем примеры:

Meine früheste Erinnerung ist in Rot getaucht. Gegenüber von uns, in selber Höhe, öffnet sich eine Türe und ein lächelnder Mann tritt heraus, der freundlich auf mich zugeht. Er tritt ganz nahe an mich heran, bleibt stehen und sagt zu mir „Zeig die Zunge!“ Ich strecke die Zunge heraus, er greift in seine Tasche, zieht ein Taschenmesser hervor und führt die Klinge ganz nahe an meine Zunge heran ... Im letzten Augenblick zieht er das Messer zurück, sagt: „Heute noch nicht, morgen“ [Elias Canetti. Die gerettete Zunge].

Этот пример являет нам концепт личного пространства, нарушение которого означает для героя символическую потерю языка как средства общения и взаимопонимания.

Ich musste, was schön sein, nicht aus den Büchern lernen. Nicht auf der Schule und nicht auf der Universität. Ich durfte die Schönheit einatmen wie Försterkinder die Waldluft. Die katholische Kirche, Georg Bährs Frauenkirche, der Zwinger, das Pillnitz Schloss, das Japanische Palais, der Judenhof und das Dinglingerhaus, die Rampische Strasse mit ihren Barockfassaden, der Renaissanceerker in der Schlossstrasse. Das Coselpalais im großen Garten mit den kleinen Kavalierehäusern und gar von der Löschwitzhöhe aus, der Blick auf die Silhouette der Stadt mit ihren edlen ehrwürdigen, doch es hat ja keinen Sinn, die Schönheit wie das Einmaleins herunterzubeten [E. Kästner. Als ich ein kleiner Junge war].

В интерпретации Е. Г. Хомяковой «окружающее пространство воспринимается человеком как образ, обработанный его сознанием» [11, с. 106–107]. Этот образ, по мнению Н. Н. Болдырева, является результатом когнитивной активности в форме интерпретации, которая проявляется в структурированности, опоре на имеющуюся концептуальную систему индивида, т. е. его субъективность [12, с. 18]. Индивидуальность последнего фрагмента состоит в аксиологическом аспекте описания Дрездена – родного города Э. Кестнера. Топонимы, названия улиц, архитектурных реалий служат референциальными координатами «спрессованного» автобиографического пространства. «Изображение пространства отражает вспоминаемую жизнь индивида в “просторах площадей, улиц, городов и деревень, социальных групп, поколений, эпох”» [1, с. 109]. Субъективная интерпретация входит в описание эпитетами (*edlen, schön, ehrwürdigen, Schönheit*). «Становясь структурными элементами произведения, языковые единицы как бы удваиваются: они принадлежат и системе языка и системе текста, выполняя одновременно и “естественную” языковую функцию, и функцию “изображенного мира текста”» [13, с. 23].

Время неотделимо от пространства, «путешествие в прошлое» порождает столкновения «Я-сегодня» и «Я-тогда». При «путешествии в прошлое», «происходит расслоение локаций» «Я», АТ – это «повествование о различных и вместе с тем сосуществующих пластах времени», в которых совмещаются два ментальных состояния прежнего и современного, другого «Я», весьма искусственного приобретенным опытом. Авторское «Я» непрерывно движется, живет, вибрирует, развивается, расслаивается на «Я» персонажа, «Я» рассказчика о персонаже, «Я» автора, пишущего о рассказчике ... [14, с. 218, 264, 272]. Воспоминание служит связующим звеном между тем, что было и что стало, оно определяет психологичность АТ, что часто тематизируется авторами, например:

Wir überleben nicht als die, die wir gewesen sind, sondern als die, die wir geworden sind; nachdem wir waren. Nachdem es vorbei ist. Es ist noch, wenn auch vorbei. Ist jetzt Vorbeisein mehr Vergangenheit oder mehr Gegenwart [M. Walser. Der springende Brunnen].

Dem gereiften Zeitreisenden aus Paris, der zwar Künstler, aber noch nicht berühmt ist, kommt sein jungliches Gegenüber wie abgetaucht vor. Selbst wenn er ihn anriefe, immer wieder, fände er kein Gehör (G. Grass. Beim Häuten der Zwiebel).

Как справедливо замечает Ф. Лежен: «Автор как повествующий и рефлектирующий субъект повествования балансирует между текстом и “нетекстом”, принадлежа одновременно и реальному миру, и пространству текста» [4, с. 24], но два когнитивных концепта – пространство и время – постоянно и непременно сопровождают воспоминание “Я”».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Худож. лит. – 1975. – 500 с.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит. – 1986. – С. 121–290.
3. Нюбина, Л. М. Поэтика и прагматика мнемонического повествования : На материале немецкой литературы воспоминаний XX века: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / Л. М. Нюбина. – Спб. 2000. – 518 с.
4. Lejeune, Ph. Der autobiographische Pakt / Ph. Lejeune. – Baden-Baden, Suhrkamp, 1994. – 430 S.
5. Бадли М. Память / М. Бадли [и др.] / Пер. с англ., под ред. Т. Н. Резниковой. СПб.: Питер, 2011. – 560 с.
6. Нуркова, В. В. Свершённое продолжается. Психология автобиографической памяти личности / В. В. Нуркова. – М. : Изд-во УРАО, 2000. – 320 с.
7. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127–135.
8. Яковлева, Е. С. Фрагмент русской языковой картины (модели времени, пространства, восприятия) / Е. С. Яковлева. – М., 1994. – 344 С.

9. *Кустова, Г. И.* Тип концептуализации пространства и семантическая система глагола / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 47–55.
10. *Кубрякова, Е. С.* О понятии места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / Е. С. Кубрякова / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры. 2000. – С. 84–92.
11. *Хомякова, Е. Г.* Эгоцентризм речемыслительной деятельности / Е. Г. Хомякова. – Изд. 2-е. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 220 С.
12. *Болдырев, Н. Н.* Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. – Тамбов, 2013. – № 15. – С. 12–22.
13. *Гончарова Е. А.* Я – ТЕКСТ – МИР : Учебное пособие по интерпретации текстов на немецком языке. / Е. А. Гончарова, Л. М. Ньюбина – СПб.: Политехника-сервис, 2016. – 211 с.
14. *Степанов, Ю. С.* В трехмерном пространстве языка : Семантические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов / отв. ред. В. П. Нерознак. М.: Книжный дом «Либроком», 2000. – 336 с.

В. С. Олесько (г. Минск, Беларусь)

ПРАГМАСЕМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ И МОЛИТВ

В центре современной антропоцентрической парадигмы стоит человек и его речевая деятельность. На протяжении многих столетий лингвистами изучалась и описывалась специфика протекания речетворческого процесса, а также отношение к знаку того, кто его использует, что в дальнейшем получило название *прагматика*. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день особый интерес вызывает изучение текстов, «созданных в исторически удаленные от нас эпохи» [1, с. 21]. Особенностью исследования данных текстов является реконструкция исторической, социокультурной, этнокультурной картины мира носителей древнего языка и разносторонний и многоуровневый анализ древних текстов с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода.

Понимание общения как деятельности невозможно представить без функционального и коммуникативно-прагматического аспектов в языкознании. *Коммуникативно-прагматический метод* изучает пути взаимодействия говорящего и слушающего и способы реализации данного взаимодействия с помощью языка. Основные объекты, на изучение которых направлен данный метод: 1) субъект речи, 2) адресат речи, 3) отношения между участниками коммуникации, 4) намерение говорящего, 5) связь с ситуацией общения. Единицей общения в коммуникативно-прагматическом аспекте